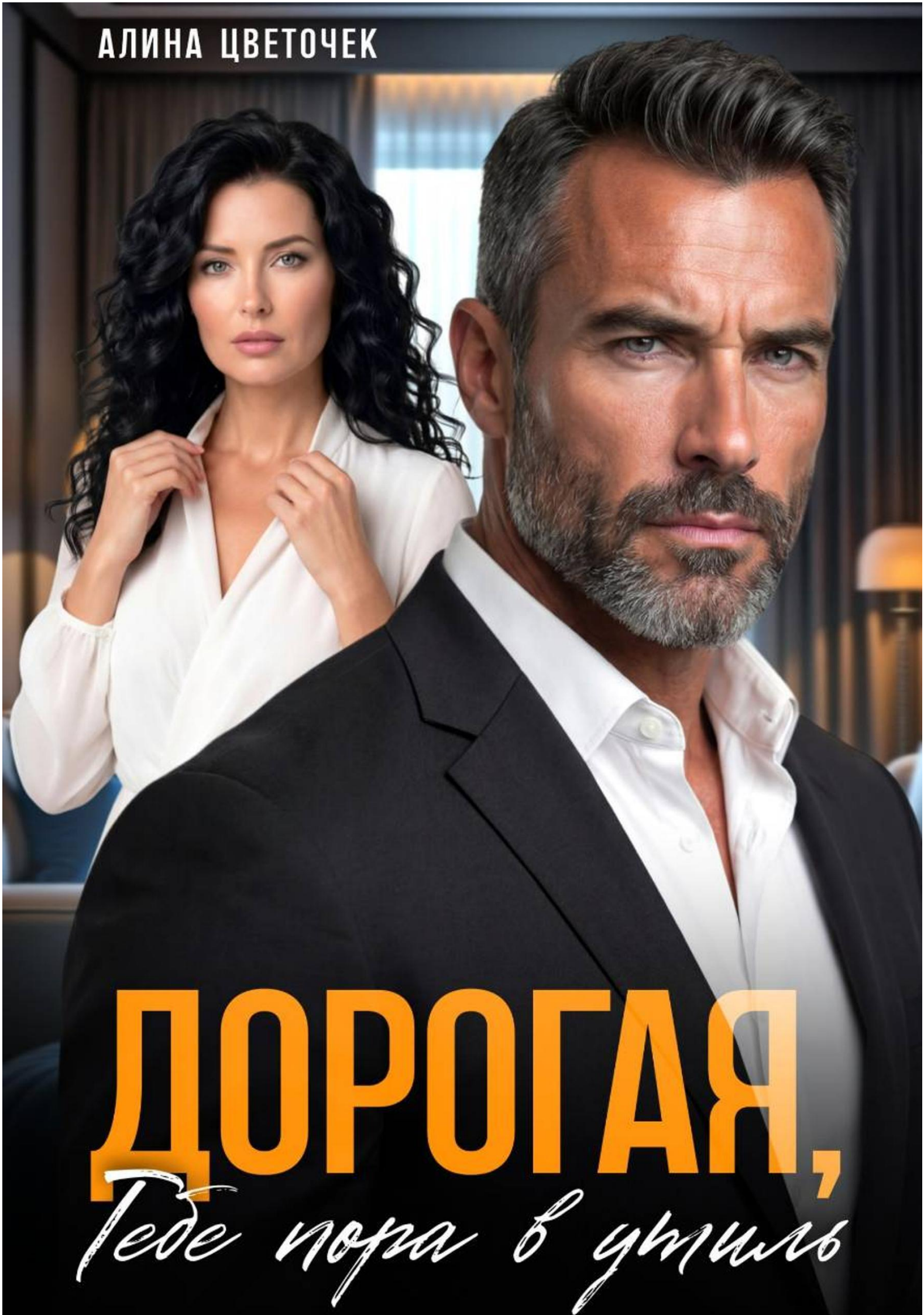
АЛИНА ЦВЕТОЧЕК

ДОРОГАЯ,

Тебе пора в утиль

Алина Цветочек

Дорогая, тебе пора в утиль

«Автор»
2026

Цветочек А.

Дорогая, тебе пора в утиль / А. Цветочек — «Автор», 2026

– Ром, ну как? Что врач сказал?.. – в нетерпении бросаюсь к мужу.– Чисто, – коротко сообщает Рома. – Очагов больше нет. Я здоров!– Господи... Это лучшая новость в мире! Мы справились, Ром! Теперь всё будет как прежде Я тянусь к мужу, желая обнять, но он почему-то отступает.– Ром? – я замираю, так и не коснувшись его. – Что-то не так? Врачи что-то еще сказали? Возможен рецидив?– Нет, Марго. Просто как прежде уже не будет. Пока я болел, понял одну важную вещь. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её впустую.– О чем ты говоришь? – мой голос дрожит. – Мы же только что получили второй шанс!– Я получил, – отрезает он. – И я собираюсь прожить эту новую жизнь по-своему. Без тебя. Ты права, Марго, я справился! Но я сделал это не ради нас. Я мечтал поскорее начать новую жизнь с другой. А тебе, дорогая, пора в утиль.– Ром, ну сколько можно? Я уже устала ждать – раздается до боли знакомый голос. – Мы ведь хотели отметить твоё выздоровление...

© Цветочек А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Визуализация 13
Глава 4 17
Глава 5 19
Глава 6. Марк 21
Глава 7 23
Глава 8 24
Глава 9 26
Глава 10 28
Глава 11 29
Глава 12 30
Глава 13 33
Глава 14 37
Глава 15 39
Глава 16 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Дорогая, тебе пора в утиль

Глава 1

Коридор онкологического центра душит запахом хлорки и безысходности. Я вскакиваю со скамьи, как только дверь кабинета открывается.

– Ром, ну как? Что врач сказал?.. – в нетерпении бросаюсь к мужу.

Слово «рак» разделило нашу жизнь на «до» и «после», выбив почву у нас из-под ног. Мир рухнул, рассыпался в пыль, но я не имела права даже на минутную слабость. Я обязана была собрать наш мир по кусочкам – ради мужа. Он нуждался во мне, и я всегда была рядом.

Я стала его опорой, его бронёй, его якорем. Управление фирмой, поиски дорогих препаратов, бесконечные очереди в регистратурах, ночные бдения у плиты, когда я пыталась приготовить хоть что-то, отчего его бы не тошнило... Я буквально пронесла его через этот ад на себе. А разве могло быть иначе? В радости и в горе – так ведь?..

И только сейчас Рома начал оживать… Потихоньку возвращается к прежней жизни. Уже три месяца, как нет сеансов химиотерапии… Рома даже пару раз наведался в офис.

И вот теперь в ожидании вердикта я кусаю губы, надеясь, что бог услышал мои молитвы и на этот раз всё действительно позади.

– Чисто, – коротко сообщает Рома, даже не глядя на мои протянутые руки. – Очагов больше нет. Я… полностью здоров!

– Господи... – выдыхаю с облегчением. – Это лучшая новость в мире! Мы справились, Ром! Теперь всё будет как прежде…

Я уже в красках представляю, как наша жизнь возвращается в прежнее русло. Как мы снова будем устраивать воскресные прогулки, планировать отпуск у моря и засыпать без этого липкого, парализующего страха перед завтрашним днём. Мы победили. Мы вырвали его у смерти.

Я тянусь к мужу, желая обнять, прижаться к его груди и выплакать всё то напряжение, которое копилось месяцами. Но Рома почему-то отступает. Его плечи остаются напряжёнными, а взгляд – сухим и каким-то отстранённым, словно он уже не здесь, не в этой больнице, пахнущей антисептиком и обречённостью, а где-то далеко.

– Ром? – я замираю, так и не коснувшись его рукава. – Что-то не так? Врачи что-то ещё сказали? Возможен рецидив?

Он, наконец, поднимает на меня глаза. Но в них нет той радости, которую я ожидала увидеть. Только странная, пугающая решимость.

– Нет, Марго. Просто как прежде уже не будет, – его голос звучит ровно, почти бесцветно. – Пока я болел, я понял одну важную вещь. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на… – он делает паузу, подбирая слово, и мне кажется, что воздух в больничном коридоре вдруг закончился. – На то, что утратило своё значение.

– О чём ты говоришь? – мой голос дрожит. – Мы же только что получили второй шанс!

– *Я* получил, – отрезает он. – И я собираюсь прожить эту новую жизнь по-своему.

Рома проходит мимо меня к окну, за которым шумит город – город, который он так стремился покорить и который едва не сожрал его. Я смотрю на его спину и вдруг отчётливо понимаю, что тот Рома, которого я выхаживала, за которого молилась ночами, остался там, в прошлом. А передо мной стоит человек, которому я больше не нужна. Но разве такое возможно? Я всё равно до конца не верю в происходящее. Вот сейчас муж улыбнётся и скажет, что пошутил…

– Ром, ты ведь шутишь, да? Ты не можешь считать так на самом деле… Мы ведь справились, мы вытравили эту дрянь из тебя и теперь можем жить дальше!

– Ты права, Марго, *я* справился! Но я сделал это не ради нас. Я мечтал поскорее начать новую жизнь с другой. А тебе, дорогая, пора в утиль…

Мир вокруг схлопывается. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но не могу издать ни звука. И в этот момент в конце коридора слышится стук каблуков. Слишком звонкий, слишком живой для этого зловещего места.

– Рома, ну сколько можно? Я уже устала ждать… – раздаётся знакомый голос. – Мы ведь хотели отметить твоё выздоровление…

Я оборачиваюсь. По коридору шагает… Анфиса. *Моя* Анфиса. Подруга, которая держала меня за руку, когда я узнала страшный диагноз мужа.

Глава 2

Анфиса подходит к Роме, по-хозяйски берёт под руку и только тогда переводит взгляд на меня. В её глазах нет ни стыда, ни жалости. Только холодное торжество.

– Прости, Ритусь, – бросает она, поправляя шикарную сумочку – между прочим, мой подарок на день рождения. – Так уж вышло. Мы с Ромой давно хотели тебе сообщить, но болезнь… сама понимаешь. Пойдём, дорогой?

Я порываюсь что-то сказать, но только продолжаю таращиться на них, как на инопланетян, которые на ломаном человеческом пытаются объяснить, что теперь это их планета. Они выглядят как люди, говорят как люди, но внутри у них что-то совершенно иное. Холодное. Бесчеловечное.

Вот Рома кладёт руку ей на талию, и этот жест кажется мне финальным аккордом в симфонии моего личного апокалипсиса. Они уходят, а я смотрю им вслед и ничего не могу поделать.

Продолжаю стоять посреди стерильного коридора. Ноги меня не держат. Я медленно опускаюсь на ту самую скамью, где ещё десять минут назад кусала губы и молилась всем богам о его спасении. Здесь, на этом самом месте, я провела десятки часов, ожидая результатов анализов, вердиктов и прогнозов.

Я ведь не просто была рядом. Я выгрызала квоты у профессоров, ночевала под дверьми регистратур, чтобы он попал к лучшему хирургу. Я не доверяла его жизнь никому – ни сиделкам, ни случаю.

– Господи, Рома... за что? – срывается с губ. – Как же ты мог?..

Двенадцать лет брака. Болезнь. Бессонные ночи. Бесконечная круговерть из врачей и больниц.

Я помню каждый его приступ, каждый выпавший волосок на подушке после химиотерапии. Я продала часть фур, влезла в долги, вытрясла душу из всех светил медицины, до которых смогла дотянуться. Я буквально вливала в него жизнь, каплю за каплей, пока сама превращалась в бледную тень себя. Я приползала домой уставшая и пропахшая лекарствами и соляркой, а он всё это время кувыркался с Анфиской?

Боже, мы ведь с ней лет двадцать дружили. Со школьной скамьи были не разлей вода. Вместе сдавали экзамены, вместе плакали над первыми неудачами в любви, вместе строили планы на жизнь. Я доверяла ей больше, чем себе. Я верила, что если в моей жизни случится беда, Анфиса будет первой, кто подаст руку. А выходит, пока я пропадала в очередях, пока торчала допоздна на работе, она грела его постель?..

Я сжала в кулаке ключи. Нужно ехать домой. Завтра будет новый день, мне нужно на базу – две машины застряли на перегоне, и Степаныч ждёт моих распоряжений по запчастям. Работа всегда меня спасала. Фирма – это то, что осталось от отца, это мой фундамент.

Стоп.

Но ведь Рома всё ещё остаётся генеральным директором «Азимута». Пусть последние три года я рулила бизнесом: направляла фуры, искала грузы, беседовала с клиентами, искала водителей, но официально пост генерального всё ещё остаётся за Ромой – так решил папа перед смертью. Мол, не пристало женщине управлять мужским бизнесом. Я и не возражала. Рома был для меня всем.

А теперь… теперь он передал меня самым бессовестным образом.

От этой мысли захотелось разрыдаться. В свои тридцать семь я осталась совершенно одна… с детьми у нас как-то не сложилось – сначала Рома говорил, что нужно заработать побольше денег, а потом он заболел и стало совсем не до того. И сейчас, в свои 37, я ощущала упущенное время, как никогда…

Но прошлого уже не изменишь.

Зато я могу изменить своё будущее!

Вздохнув, поднимаюсь. Мне ни минуты не хочется оставаться здесь, в больнице – это место за последние три года высосало из меня столько сил и энергии, что ещё немного, и сама окажусь на больничной койке.

Нет уж, этому не бывать!

Я плетусь к выходу. На секунду задерживаюсь у зеркала – с отвращением гляжу на своё отражение. Боже, как же я ужасно выгляжу. Будто сама старость подкралась и суёт в лицо зеркало – на, полюбуйся на морщинки и мешки под глазами. А ещё эта нездоровая бледность… В кого же я превратилась за эти три года? Когда в последний раз красилась – не помню… Вместо причёски – вечная дулька. На мне привычный спортивный костюм – с тех пор как я взялась за управление «Азимутом», другой одежды я и не ношу. А что? Удобно, практично и… дальнобойщики на меня не обращают никакого внимания, а они народ, как известно, горячий и пылкий – вон, Анфиску так постоянно сомнительными комплиментами одаривают, делают грязные намёки и предлагают не пойми что… Господи, до меня только сейчас доходит. Ведь и Анфиска работает в нашей фирме.

Э, нет. Поправочка!

Фирма моя – досталась мне по наследству. А то, что эти двое предателей до сих пор числятся в штате – досадное недоразумение, которое я намерена очень скоро исправить!

Глава 3

На следующее утро я проснулась разбитой. Поспать почти не удалось… Всю ночь я думала об этой подлой парочке. В своих фантазиях я дошла до свадьбы – пафосной и гламурной. Потом словно наяву увидела двух очаровательных малышей – мальчика и девочку, подозрительно смахивающих на Рому, но с лисьим взглядом Анфисы. Когда дошла до внуков, заставила себя прекратить этот мазохизм и принялась считать воображаемые звёзды, чтобы быстрее уснуть.

Раз, два, три...

Десятки фур, которые сейчас идут по трассе, пока я медленно схожу с ума в пустой спальне.

Четыре, пять, шесть...

Миллионы рублей, которые я вбухала в лечение мужа.

Семь, восемь, девять…

Девять кругов ада, которые я прошла, пока он развлекался с моей подругой.

Десять, одиннадцать, двенадцать...

Двенадцать лет, вычеркнутых из жизни, из которых девять я была женой, а остальные три – сиделкой, спонсором и громоотводом. Как же больно! Кто бы знал…

И поплакаться даже некому. Родители давно покинули этот мир – мама, когда мне было десять, а папа – семь лет назад. У меня была только Анфиска… Ей я доверяла свою боль, переживания, проблемы. А она взяла и предала не моргнув глазом.

Я попыталась представить их в одной постели, но не смогла. Подобный сценарий казался до того нелепым, что хотелось смеяться. Но вместо смеха я, наконец, разрыдалась. Вот такое вот позднее зажигание.

Как уснула, не помню. Но когда зазвонил будильник, с трудом разлепила глаза. Первонаперво промелькнула мысль, что надо приготовить Ромке его любимую кашу. А затем я вспомнила, что готовить больше некому – я осталась совсем одна.

Но у меня оставался «Азимут». И в мои планы не входило отдавать детище отца этим стервятникам. Так что сегодня я очень тщательно собиралась в офис. Привела себя в порядок: накрасилась – даже губы накрасила алым, распустила волосы и надела шёлковую блузку цвета спелой вишни – она прекрасно подчёркивала тонкую талию и высокую грудь. Поверх я накинула приталенный чёрный жакет, который сидел на мне как броня. Строгие брючки обтягивали стройные ножки, а туфли на умопомрачительной шпильке завершали образ.

Сегодня я должна выглядеть не измученной сиделкой, а хозяйкой «Азимута». Женщиной, которая не просит, а диктует условия.

***

У базы я привычно притормаживаю, ожидая, пока шлагбаум поднимется. Но охранник не спешит нажимать кнопку. Он выходит из будки, на меня не глядит.

– Маргарита Николаевна... извините. Мне приказано вас не пускать.

– Что? Федя, ты о чём? Это же я, – вымученно улыбаюсь.

Может, это какая-то дурацкая шутка? Но я уже, кажется, догадываюсь, откуда ноги растут.

– Приказ Романа Игоревича, – он протягивает мне лист бумаги через окно машины. – С сегодняшнего утра ваш пропуск аннулирован. И... там вроде замки в вашем кабинете сменили. Анфиса Юрьевна распорядилась.

Я опускаю взгляд на документ.

Беловой М.Н. категорически запрещено находиться на территории всех объектов компании.

Буквы на бумаге расплываются от подступивших слёз, но я чётко вижу всё, что мне нужно. Внизу – размашисто, чернилами, которые ещё будто не просохли, красуется его подпись.

Слово «запрещено» напротив моей фамилии выглядит как приговор, вынесенный человеку, который ещё вчера считал это место своим вторым домом.

Внутри что-то оборвалось.

Как же Рома может так поступать со мной?

Что мне делать?

Устроить истерику перед охранником? Перелезть через забор на этих чёртовых шпильках? Прорываться с боем? Каждое решение кажется унизительным. Я сижу, вцепившись в руль, и чувствую, что «Азимут» – дело всей жизни моего отца – утекает сквозь пальцы как песок.

– Какие-то проблемы, Маргарита Николаевна?

От неожиданности я резко поднимаю голову. Рядом, почти вплотную к моей машине, стоит Исаев. Марк, кажется… Я взяла его в штат пару месяцев назад, и он сразу стал местной легендой: огромный, мрачный, как грозовая туча, с тяжёлым взглядом из-под густых бровей. Он всегда держится особняком, не дымит с другими мужиками на пятаке и не травит байки о своих подвигах.

Не дождавшись от меня ответа, Исаев адресует тот же вопрос охраннику.

– Ну, тут это… распоряжение. Маргариту Николаевну не велено пускать. Шеф приказал.

Исаев делает шаг вперёд, и охранник невольно вжимается в стену будки. Тёмные, почти чёрные глаза водителя медленно сканируют Федю.

– Ты что, парень, берега попутал? – голос Исаева звучит низко, с хрипотцой, от которой по коже пробегает холодок. – Ты вообще видишь, кто перед тобой?

– Так Роман Игоревич… – лепечет Федя, – распорядился…

– Милые бранятся – только тешатся, – обрывает его Исаев. – Они завтра помирятся, а ты, дурак, крайним останешься. Как думаешь, через сколько минут после их примирения ты вылетишь отсюда с волчьим билетом за то, что хозяйку на порог не пустил?

Федя замирает. В его глазах отражается мучительный процесс выбора между страхом перед Ромой и очевидной логикой этого огромного, нелюдимого мужика.

– Ладно, давай так… – Исаев обходит машину, открывает дверцу машины и усаживается на пассажирское сиденье. – Считай, что она просто решила подвезти меня до офиса… Вы же не против, Маргарита Николаевна?

Он смотрит на меня, и в его тёмных глазах на мгновение вспыхивает опасный огонёк.

Я лишь молча качаю головой, не в силах вымолвить ни слова. Исаев уже закрывает за собой дверцу, и салон моей машины мгновенно заполняется его тяжёлым присутствием. От него пахнет майской свежестью и чем-то знакомым – самой базой. Машина ощутимо проседает под его весом, и мне кажется, что даже воздух внутри стал плотнее.

– Жмите на газ, – негромко командует он, глядя прямо перед собой. – Не давайте ему времени передумать.

Федя в будке заторможенно тянется к пульту. Шлагбаум медленно, словно нехотя, ползёт вверх. Я вцепляюсь в руль так, что белеют костяшки, и плавно нажимаю на педаль. Мы проезжаем на территорию базы. Едем мимо рядов фур, мимо удивлённых водителей, мимо всего того, что ещё вчера было моим домом, а сегодня превратилось в поле боя.

– Спасибо вам за помощь... Марк. Но если Роман узнает, он вас уволит в ту же секунду. Вы ведь это понимаете?

Лично я совершенно не могу понять мотивов этого мужчины. Быть может, он решил проявить лояльность к тому, кто брал его на работу? Заработать очки и выслужиться? Но я тут же отметаю эту мысль. Не походит он на подобного рода человека. С другой стороны… я

ведь, оказывается, совершенно не разбираюсь в людях. Иначе как так вышло, что двое самых близких людей меня так чудовищно предали?..

Тем временем Исаев поворачивается ко мне, и я внимательно его разглядываю. Без сомнения, он очень привлекателен. Правильные черты лица и жёсткая линия челюсти. Чувственные губы. Тёмные волосы коротко стрижены, но даже в этой простоте ощущается какая-то породистая выправка. Единственное, что нарушает эту красоту – небольшой шрам на переносице – возможно, след от старой травмы? В любом случае, он его не портит, а лишь добавляет лицу опасной, мужской притягательности.

В который раз убеждаюсь, что Исаев совершенно не походит на водителя-дальнобойщика. Но откуда мне знать, что заставило его сесть за «баранку»?..

Он тоже разглядывает меня в ответ. Его взгляд на секунду задерживается на моих губах, отчего я вспыхиваю. И зачем я сегодня так ярко накрасилась?..

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, Маргарита Николаевна, – в его голосе слышится сухая усмешка. Но по крайней мере, смотрит он теперь мне в глаза.

Я заруливаю на стоянку. Но моё парковочное место оказывается занято новеньким кроссовером… Анфисы. Чувствую, как внутри закипает холодная ярость. Подруга никогда не стеснялась брать моё – одежду, советы, время. Я бы сказала, что она и мужа моего прибрала к рукам, но разве Рома – безвольная марионетка? Не силком же она его в свою постель затащила… А теперь ещё и это. Её жест – не просто занятая парковка, это флаг, водружённый на завоёванной территории. Она даже не дождалась, пока остынет мой след.

– Вижу, гостям здесь рады больше, чем хозяевам? – голос Исаева звучит с сарказмом.

– Это машина моей… бывшей подруги. Видимо, она решила, что правила приличия больше не действуют.

Я не собираюсь устраивать сцену здесь, на виду у всех водителей. Резко выкручиваю руль и увожу машину в самый дальний, невзрачный угол стоянки, к ржавым контейнерам и старым прицепам. Туда, где меня никто не увидит. Глушу мотор, и в салоне повисает тяжёлая тишина.

Моя машина выглядит здесь нелепо, как и я сама в шелковой блузке среди мазута и пыли. Я смотрю на свои дрожащие пальцы и прикусываю губу до боли. Спряталась. Как побитая собака, которую выставили из собственного дома.

– Не самое удачное место, Маргарита Николаевна, – Исаев первым нарушает тишину. Он не смотрит на меня, продолжая изучать здание офиса через лобовое стекло. – Но зато отсюда лучше виден масштаб катастрофы.

Я перевожу взгляд на здание «Азимута». Из этого угла оно кажется огромным и неприступным.

– Судя по всему, я сама здесь больше не к месту… – ощущаю подступивший к горлу комок. – И имейте в виду, «милые« уже не помирятся…

– Это не моё дело… – довольно грубо отвечает Исаев, распахивая дверцу.

– Если верить охраннику, в моём кабинете замки сменили. И она там... они оба.

– Замки, это мелочь. А «Азимут» – это вы. И всё это знают, – произносит он уже мягче, но всё так же уверенно. – Но вы сами должны об этом помнить.

Он выбирается наружу, обходит машину и, открыв дверцу, протягивает руку, чтобы помочь мне. Его ладонь огромная, а на ощупь – мозолистая и горячая.

Я поправляю волосы, стираю невидимую слезу и несмело шагаю к зданию «Азимута», навстречу своей разрушенной жизни.

На ресепшен сидит Светочка – тонкая, вечно испуганная девчонка, которую я сама принимала на работу. Завидев нас, она бледнеет и выскакивает из-за стойки так резко, что задевает подставку с рекламными буклетами, и буквально грудью перекрывает проход к коридору, ведущему к моему кабинету.

– Маргарита Николаевна... ой, здравствуйте... – лепечет она, хлопая ресницами, на которых густо застыла тушь. – А вы... вам нельзя. Роман Игоревич распорядился... Сказал, что у вас бессрочный отпуск по состоянию здоровья.

Она вытягивает руки в стороны, словно пытается закрыть собой амбразуру. Видимо, Ромочка провёл с ней очень убедительный инструктаж, раз она, зная мой характер, решилась на такую глупость.

– Светочка, отойди, – мой голос звучит глухо, но в нём уже прорезаются стальные нотки.

– Не могу! – она почти плачет, преграждая путь. – Мне строго-настрого запретили вас пускать!

– Дай-ка, пройти… – низкий, рокочущий бас Исаева заставляет Свету вздрогнуть.

Она только сейчас замечает, кто стоит за моей спиной. Исаев не делает ничего угрожающего, он просто смотрит на неё сверху вниз, и этого оказывается достаточно. Светочка под его взглядом сдувается, как проколотый шарик, и её руки медленно опускаются вдоль туловища. Она делает шаг в сторону, освобождая дорогу, и я прохожу мимо, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

Толкаю дверь своего кабинета. Замок поддаётся не сразу, но Исаев просто накрывает мою ладонь своей и с силой нажимает на ручку. Дверь распахивается, и я на мгновение замираю, забывая, как дышать.

В моём кресле сидит Роман, а Анфиса, по-хозяйски устроившись у него на коленях, обнимает его за шею. Они жадно целуются – так, словно меня не существует в этой вселенной вовсе.

Визуализация

Итак. Вот наши герои

Маргарита Николаевна Белова. 37 лет. 12 лет брака. 3 года из них она помогала мужу бороться с раком. Мы уже знаем, чем он отплатил ей...

Белов Роман Игоревич. 42 года. Последние 3 года боролся с раком не без помощи своей супруги. А теперь вот, как узнал, что здоров, решил уйти от Маргариты к ее лучше подруге Анфисе

Анфиса. 36 лет. До сей поры лучшая подруга Маргариты. Но... оказалась той еще стервой и предательницей...

А вот и Исаев Марк. 39 лет. У него имеются свои тайны и интересы

Глава 4

Слышу тихий смех Анфисы, который обрывается, когда она замечает меня.

– Ой, Ритусь... – она не спеша сползает с его колен, поправляя юбку, и даже не думает краснеть. – Кажется, с сегодняшнего дня ты в отпуске… *без содержания*.

Роман поднимается, оправляя пиджак. В его взгляде нет раскаяния – только глухое раздражение.

– Марго, и зачем этот цирк? Тебе ясно дали понять, что в офис приходить не стоит, – произносит муж тоном генерального директора.

– Цирк?.. – мой голос трескается от едва сдерживаемой боли. – Знаешь, Ром, ты прав. Это действительно цирк, если в кабинете моего отца теперь сидит человек, который путает бизнес с мародёрством. Папа строил эту компанию по кирпичику много лет, он вложил в неё свою душу, а ты превращаешь её в декорации для своего дешёвого адюльтера.

– Э, нет, подружка… Рома скоро станет моим мужем! – встревает Анфиса.

От подобного заявления у меня на мгновение темнеет в глазах, а пол под ногами начинает качаться, словно я стою на палубе тонущего корабля. Так и есть. И имя кораблю – мой брак.

Я перевожу взгляд на Анфису – та стоит, самодовольно выпятив подбородок, и в её глазах нет ни капли того сочувствия, с которым она ещё месяц назад выслушивала мои рыдания на кухне.

– Мужем? – я нервно усмехаюсь, и этот звук больше похож на хрип. – Что ж, поздравляю, Ромочка. Твой карьерный рост впечатляет: от пациента онкологии до многоженца.

– А ты, Ритусь, очень скоро лишишься этого статуса!

– Да я с удовольствием! А ты, Анфис, не забудь уточнить у Ромочки график приёма таблеток и список побочных эффектов.

Я снова смотрю на мужа, который даже не потрудился изобразить на лице тень неловкости.

– Марго, ну прекрати уже свою истерику…

– Ты хоть понимаешь, что ты не только меня предал? Ты топчешься на могиле человека, который доверял тебе, как сыну.

Я делаю глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках.

– Ну что ж, совет вам да любовь. Только запомни, Белов… когда строишь счастье на руинах, не стоит удивляться, если однажды оно рухнет тебе на голову. И судя по тому, как ты лихо избавляешься от прошлого… Анфис, я бы на твоём месте начала копить на адвоката уже сейчас.

Анфиска и ухом не ведёт. Она уже обходит стол и демонстративно опускается в моё кресло, проводя ладонью по полированной поверхности стола.

– Запомни, Ритусик, от таких, как я – не уходят! Кстати, Ром, – она стреляет в него глазками, игнорируя меня, – я решила сменить здесь мебель. Маргошин вкус... ну, ты сам понимаешь. Слишком старомодно. Думаю, белый тон и минимализм подойдут «Азимуту» больше.

Я чувствую, как ногти впиваются в ладони. Мебель в кабинете осталась ещё от отца – добротная, тёплая, уютная… Но прежде чем я успеваю что-то ответить, вперёд выступает Исаев. Его огромная фигура мгновенно затеняет солнечный свет из окна, и в кабинете становится физически тесно.

– Я бы не советовал вам поступать столь опрометчиво… – советует Исаев.

Столь опрометчиво?

Серьёзно? Вот эта фраза уж точно никак не походит лексикону дальнобойщика, а я в этом толк знаю – с самого детства пропадала здесь, на базе.

Роман хмурится, переводя взгляд с меня на Исаева. Его брови ползут вверх, он всматривается в лицо водителя и хмурится ещё больше.

– А это ещё кто? – Роман делает шаг вперёд, изучая Исаева с каким-то болезненным любопытством. – Твой любовник?

– По себе людей не судят! – выплёвываю я. – Это наш водитель, Исаев Марк.

– Давно ты у нас работаешь? Лицо у тебя знакомое...

Исаев замирает. Его лицо остаётся абсолютно непроницаемым, как гранитная скала, но я чувствую, как воздух вокруг него буквально начинает искрить от напряжения.

– Марк работает у нас всего несколько месяцев… А ты всё это время в офисе не появлялся.

– Странно. А не могли мы раньше где-то пересекаться?

– Вряд ли, – чеканит Исаев. – Мы с вами вращаемся в слишком разных кругах, Роман Игоревич.

Рома ещё пару секунд сверлит его взглядом, потом криво усмехается и кивает:

– А вот это верно. Итак, зачем ты здесь, Марго? – Роман снова поворачивается ко мне. – Если собираешься устраивать сцены ревности, то я, пожалуй, пас.

– Я пришла за своим, Ромочка, – мой голос звучит на удивление ровно, хотя внутри всё выжжено дотла. – И поверь, «Азимут» – это последнее, что я тебе отдам.

– Твоим? Ха! Да ты совсем дура, Маргош! – Анфиса заливисто смеётся, откидываясь на спинку моего кресла. – Ты ведь давно подписала отказную в пользу Ромы.

– Что?.. – я непонимающе смотрю на женщину, которую считала самым близким человеком большую часть своей жизни.

Глава 5

– Да-да, – продолжает подруга, теперь уже бывшая, – ты собственноручно поставила подпись на дарственной. Я могу и документы показать, они в моём сейфе. Так и быть, дам тебе копию…

Анфиса медленно поднимается и подходит к моему сейфу – тому самому, который покупал ещё папа… Она вводит комбинацию так, чтобы я не могла увидеть введённые цифры. Дверца послушно распахивается с тихим щелчком.

Господи, я была такой дурой, что даже код от сейфа ей сообщила. На всякий случай, мало ли… Она ведь юрист нашей фирмы и по совместительству лучшая подруга – что мне от неё было скрывать?..

Анфиса достаёт тонкую папку и, выудив оттуда пару листков, делает шаг ко мне. На её лице играет торжествующая, почти хищная улыбка.

– На, изучай, – она с пренебрежением суёт мне в руки бумаги.

Я опускаю взгляд. Бумага кажется тяжёлой, как булыжник. В глаза сразу бросается жирный заголовок: «Договор дарения доли в уставном капитале...». Строчки плывут, но в самом низу я вижу свою подпись. Мой размашистый почерк, наклон влево, характерная петля на букве «М»… Ошибки быть не может. Это подписала я.

Перед глазами вспыхивает тот самый день. Коридор онкоцентра, пропахший безнадёгой. Рому как раз увезли на очередную операцию, шансов давали ничтожно мало. Я сидела на лавке – раздавленная, пустая, с красными от слёз глазами. И Анфиса... Она возникла рядом, как ангел милосердия. Утешала, успокаивала. А потом сунула какие-то бумаги, что-то болтала про «переоформление для банка», про «страховку», про то, что «если не дай бог что, активы заморозят, и мы не вытянем лечение».

– Подпиши здесь, дорогая, и здесь... Нужно подстраховаться, чтобы были деньги на реабилитацию Ромочки.

И я подписала. Не глядя. Сквозь пелену слёз, веря ей больше, чем себе. Я ведь верила ей безоговорочно!

– Ты... – голос подводит меня, превращаясь в сиплый шёпот. – Да как ты могла…

Рядом со мной Исаев делает едва заметное движение, словно хочет заглянуть в документ, но я лишь крепче сжимаю бумагу, чувствуя, как она начинает хрустеть и мяться в моих пальцах. В этот момент осознание подлости накрывает меня окончательно. Они не просто украли у меня бизнес, они заставили меня саму вырыть себе яму. Запихиваю смятые документы в карман жакета, лишь бы только не видеть доказательства их предательства.

– Удостоверилась? – голос Анфисы звучит как из-под воды. – Можешь оставить себе как сувенир. А теперь, Маргош, освободи помещение. Нам с Ромой нужно… работать. Тут ещё столько твоего хлама перебирать...

Мне становится дурно. Воздух в кабинете вдруг превращается в густой кисель, который невозможно вдохнуть. Стены «Азимута», папиного детища, начинают медленно плыть и крениться.

Мир окончательно теряет устойчивость. Колени подгибаются, и я уже готова рухнуть на ковёр, но сильная, горячая ладонь Исаева рывком подхватывает меня под локоть. Он держит меня так крепко, что я физически чувствую его силу, передающуюся мне.

– Спокойно, Маргарита Николаевна, – его низкий голос заставляет меня взять себя в руки.

Исаев смотрит прямо на Романа, и в этом взгляде столько презрения, что тот невольно отводит глаза.

– Ну чего ты молчишь, Ром? – Анфиса самодовольно поправляет идеальную укладку. – Скажи своей бывшей, что теперь «Азимут» – это мы. А она может идти на все четыре стороны!

Роман молчит, глядя куда-то в сторону окна, и это молчание ранит больнее любых слов Анфисы.

Я снова порываюсь что-то сказать, но Исаев разворачивает меня и легонько подталкивает к двери. Но прежде чем покинуть кабинет, я всё-таки бросаю через плечо одну-единственную фразу:

– Рано празднуете. В логистике важно не только захватить груз, но и суметь его удержать. А у тебя, Рома, с этим всегда были проблемы.

Мы выходим, и тяжёлая дубовая дверь захлопывается, отсекая нас от этого змеиного логова. Как только торжествующий смех Анфисы затихает, силы окончательно покидают меня.

Ноги подкашиваются, а шпильки, которые ещё утром были моей бронёй, теперь кажутся непосильной ношей. Я спотыкаюсь в пустом коридоре, и мир вокруг начинает стремительно расплываться.

– Эй! – Исаев реагирует мгновенно.

Он не даёт мне осесть на пол. Его мощные руки подхватывают меня под мышки, рывком поднимают и буквально впечатывают в стену, создавая вокруг меня безопасный кокон.

– Как они могли… – горло сдавливает железным обручем, и я чувствую, как изнутри поднимается глухой стон боли. – Я ведь так его любила…

Я начинаю плакать и ничего не могу с собой поделать. Это не просто слёзы, это – заупокойна по всему, во что я верила прежде. Я вспоминаю бессонные ночи у постели мужа, схватки с врачами... Как он мог?.. Задыхаюсь, уткнувшись лицом в кожаную куртку Исаева. Мои плечи сотрясаются от рыданий.

Я жду, что он отстранится, что ему станет неловко, как любому мужчине при виде женских слёз. Но Исаев делает то, чего я ждала меньше всего. Он прижимает меня к себе – крепко, до хруста в рёбрах. От него веет таким спокойствием и такой первобытной силой, что мои рыдания постепенно переходят в тихие всхлипы.

– Дышите, Маргарита Николаевна, – звучит у самого уха его ровный, глубокий бас. – Просто дышите. Сейчас мы уйдём отсюда, но это ещё не конец.

Я стою, зажатая между стеной и его грудью, и впервые за долгое время чувствую, что я не одна против всего мира. Что за моей спиной – не руины «Азимута», а этот странный, мрачный человек, который почему-то решил стать моим щитом.

Глава 6. Марк

Я чувствую, как она содрогается в моих объятиях. Сейчас Маргарита Николаевна больше похожа на раненого зверька, чем на железную леди, какой пыталась казаться в кабинете. Её пальцы впиваются в мои плечи с таким отчаянием, будто я – единственный плот посреди океана.

А я стою, как дурак, прижимаю её к себе.

– Дышите, Маргарита Николаевна, – говорю я, а сам в этот момент просчитываю следующий ход. Первый я отыграл идеально!

Когда я увидел её тачку у шлагбаума, то не поверил своей удаче. Фортуна вдруг выдала такой карт-бланш, что грех было им не воспользоваться.

Она сидела за рулём своей машины и не знала, что делать с клочком бумаги, перечеркнувшим её жизнь.

План созрел мгновенно. Ударить врага в лоб – это одно. Но втереться в доверие к его женщине, использовать её как таран, чтобы разнести в щепки всё, что Белов так старательно строил на моих костях – это куда изящнее. Жена врага. Обиженная, преданная, выброшенная на улицу. Лучшего варианта и не придумаешь, если хочешь выжечь всё дотла.

И вот теперь я играю роль «рыцаря в сияющих доспехах». Утешаю. Успокаиваю. Защищаю.

Правда, обнимать её оказывается чертовски приятным занятием. Куда приятнее, чем я рассчитывал. Тем более что сегодня она совсем другая… Не та бледная тень в безразмерном спортивном костюме, к которому привыкла вся база. Сегодня она – разодетая, ухоженная, в этой своей красной блузке… Она выставила иглы, надела каблуки, решив, что это спасёт её от удара.

Я ещё издалека понял: что-то стряслось. Бабы наряжаются всего в двух случаях: когда у них всё зашибись, или когда жизнь летит под откос.

Сначала, грешным делом, решил – это «наряд победы». Вся база судачила, что врачи вот-вот должны вынести вердикт по Белову. Думал, она празднует. Но стоило увидеть её потерянный взгляд, физиономию Федьки и это распоряжение, как картинка сразу сложилась.

Конечно, она не знает, кто я на самом деле. Не знает, за каким хреном я пришёл в «Азимут» и почему моё лицо кажется её муженьку смутно знакомым. Она видит во мне спасителя. Что ж, пусть видит. Чем больше она будет мне доверять, тем легче будет подобраться к тому, кто однажды лишил меня всего.

– Ну же... – шепчу я, чувствуя, как её дыхание постепенно выравнивается.

Моя куртка распахнута, и я чувствую, как она прижимается ко мне, словно ища защиты. Тонкая шелковая ткань её блузки – паршивая преграда, как и моя футболка. Тепло её тела бьёт прямо по старым шрамам, заставляя их зудеть от фантомной боли. Каждое её движение, каждый всхлип отдаётся во мне странным ощущением. Я должен ненавидеть в ней всё: её фамилию, её прежнюю преданность этому ублюдку, даже этот чёртов аромат дорогих духов, который так не вяжется с запахами базы.

Но вместо этого я ловлю себя на том, что прижимаю её чуть крепче, чем требует роль. В голове всплывает лицо Романа – сытое, самоуверенное, холеное. Он думает, что зачистил все хвосты. Думает, что выбросил жену, как старый хлам, и никто не подберёт.

Ошибаешься, Белов. Ты сам вложил мне в руки идеальное оружие, и я не промахнусь.

Я слегка отстраняюсь, лишь настолько, чтобы заглянуть в её заплаканные глаза. Сейчас в них нет той гордости, которой она пыталась хлестать Анфису в кабинете. Только голая, звенящая пустота.

Что ж, тем легче будет втереться к ней в доверие. А уж когда это произойдёт, я сделаю всё, чтобы добраться до этого ублюдка.

Она права – хреновый из тебя логист, Белов.

Ты так увлёкся расчисткой личного пространства, что забыл золотое правило: нельзя оставлять за спиной ценные активы, которыми может завладеть конкурент.

А Маргарита сейчас – твой самый опасный актив, и я не собираюсь его упускать.

– Ничего, Маргарита Николаевна, – произношу я, и мой голос против воли звучит мягче, чем я планировал. – Эта битва проиграна. Но война... война только начинается. Пойдёмте отсюда.

Я беру её за локоть – властно, не допуская возражений. Она идёт за мной послушно – как в тумане.

Ничего, привыкайте к новой скорости, Маргарита Николаевна. На этом маршруте тормоза не предусмотрены.

Глава 7

Исаев осторожно отстраняет меня от себя, заглядывая в глаза. Его взгляд всё такой же непроницаемый, но в глубине зрачков я вижу странную, холодную решимость.

– Идёмте, Маргарита Николаевна.

Он ведёт меня по коридору, придерживая под локоть так уверенно, что я невольно выпрямляюсь. Нас провожают испуганные и любопытные взгляды сотрудников, но Исаев прёт напролом, словно ледокол, и толпа перед нами беззвучно расступается.

У самого выхода из офисного здания, где запах пыли смешивается с ароматом цветущей акации и мазута, нас перехватывает Степаныч. Наш главный механик – в вечно засаленном комбинезоне, с лицом, изрезанным морщинами-трещинами. Он проработал с моим отцом тридцать лет и помнит меня ещё девчонкой, которая таскала ему ключи в ремонтном боксе.

– Мара! – его голос, обычно зычный и хриплый, сейчас дрожит от негодования. – Дочка... Это что ж за дела такие творятся?

Он срывает с головы старую кепку и сминает её в огромных руках.

– Николай Петрович в гробу бы перевернулся, кабы увидал этот! – Степаныч бросает яростный взгляд на окна моего кабинета – там наверняка празднуют победу «новые хозяева». – Где ж это видано, чтобы наследницу, кровь родную, за порог выставляли? Да ещё кто! Приёмыш этот, которого ты с того света вытащила…

Старик сплёвывает на асфальт и делает шаг ко мне, преграждая путь.

– Слушай, Мар… Мои мужики в боксах уже всё знают. Мы так решили: раз тебя здесь не будет – и нам здесь делать нечего. Заявления на стол положим сегодня же. Пусть твой Ромка сам под фуры лезет и гайки крутит, раз такой умный стал!

У меня в горле снова образуется комок, но на этот раз – от благодарности. Я смотрю в честные глаза Степаныча и чувствую, как в груди начинает теплиться крохотный огонёк надежды. Конечно, я не готова принять такую жертву. Но они готовы уйти за мной. Уже от осознания этого факта становится легче.

– Нет, Степаныч... дядь Вась, – я кладу ладонь на его замасленное плечо. – Не надо. Пожалуйста. У вас у всех семьи. Вам работа нужна. Не делайте этого.

– Да как же, Мара... – старик растерянно моргает.

– Маргарита Николаевна права, – внезапно подаёт голос Исаев.

Степаныч долго и пристально смотрит на Исаева, и между двумя мужчинами – старым механиком и загадочным водителем – происходит безмолвный диалог.

– Не время сейчас для демаршей, – продолжает Исаев, и его низкий бас звучит удивительно веско. – Маргарите Николаевне свои люди на базе точно пригодятся. А если вы все уйдёте, кто присмотрит за тем, чтобы Белов и его новая свита не развалили «Азимут» окончательно до её возвращения?

Степаныч замирает, переваривая эту мысль. Его колючие глаза сужаются.

– Возвращения, значит?.. – он снова нахлобучивает кепку на голову. – Понял тебя, сынок. Понял. Будем сидеть тихо, но глаза и уши держать открытыми.

Он ещё раз крепко жмёт мне руку так, что кольца впиваются в кожу, и уходит в сторону ремзоны, что-то бормоча себе под нос про предательство и божью кару.

Исаев доводит меня до моей машины, стоящей в дальнем углу у мусорных баков. Солнце печёт уже по-летнему, но меня всё ещё бьёт мелкая дрожь.

– Ключи, – он протягивает руку. Это не вопрос, это приказ. – В таком состоянии вам за руль нельзя, а я сегодня на такси приехал.

Я покорно лезу в сумочку и вкладываю брелок в его горячую ладонь.

Глава 8

Машина замирает у моего подъезда. Я смотрю на знакомые окна нашей с Ромой квартиры и чувствую, как внутри всё сжимается от тошноты. Входить туда, где каждый угол пропитан ложью, кажется невыносимым.

Исаев молча обходит автомобиль, открывает мою дверцу и подаёт руку. Его движения отточены и спокойны, словно мы только что не сбежали с поля боя, а просто вернулись с прогулки.

– Спасибо, всего доброго…

Но Исаев не оставляет меня у подъезда – он твёрдо ведёт меня к лифту, заходит внутрь и, уточнив, какой этаж, нажимает на нужную кнопку. В тесной кабине его присутствие ощущается ещё острее: мы стоим плечом к плечу, от него веет странным чувством защищённости, которое я не ощущала даже рядом с мужем. Запоздало задумываюсь, откуда у Исаева мой адрес, но мысленно машу рукой – наверняка Степаныч сообщил.

Мы останавливаемся у двери. Я дрожащими пальцами достаю ключи, и с третьей попытки замок поддаётся. Поворачиваюсь к Исаеву, чтобы снова поблагодарить, но слова застревают в горле.

– Возьмите, – Исаев протягивает мне клочок бумаги, оторванный, видимо, от путевого листа. – Здесь мой личный номер. Если что-то случится... Или вам просто станет совсем хреново – звоните. В любое время.

Я беру листок, чувствуя тепло его пальцев.

– Спасибо, э-э… Марк... Извините, что так получилось. Вам ведь в рейс нужно? График же...

– Рейс по области, – он едва заметно усмехается, глядя куда-то поверх моей головы. – За день смотаюсь, к ночи уже буду снова в городе. Не переживайте об этом.

– А если Рома... Роман Игоревич всё-таки уволит вас?

– Не посмеет, – отрезает Исаев. – По закону меня должны уведомить за месяц.

– Но вдруг они... найдут какой-то повод? Подставят и уволят по статье за какую-нибудь недостачу или поломку? Я уже ничему не удивлюсь…

Исаев делает шаг ко мне. В его глазах мелькает холодная, расчётливая уверенность человека, который видел в этой жизни вещи пострашнее офисных интриг.

– Поверьте, Маргарита Николаевна, я далеко не так наивен, чтобы вляпаться в подобное дерьмо. Да и быстро найти нового водителя в сезон не так-то просто. Ваш супруг, как бы это сказать… не из тех, кто захочет терять прибыль. А теперь – заходите в квартиру, заприте дверь, примите ванну и постарайтесь поспать. А завтра свяжитесь с адвокатом. Есть у вас кто на примете?..

Это что же, водитель-дальнобойщик мне и адвоката посоветовать хочет?..

– Есть один...

– Доверяете ему?

Я задумываюсь. Чего в наше время стоит доверие?.. Гроша ломаного за него не дам и всё же....

– Если и довериться, то только ему... – вздыхаю я.

Исаев хмурится, но ничего не говорит, только кивает в ответ. Он дожидается, пока я переступлю порог, и только когда двери закрыты на все замки, раздаются его шаги.

Я остаюсь одна в звенящей тишине квартиры. В руке зажат листок с номером, и это единственное, что связывает меня с реальностью.

***

Вечер в пустой квартире кажется бесконечным. Тишина здесь теперь не уютная, а давящая и колючая. Я сижу на кухне, не зажигая свет, и смотрю, как сумерки медленно стирают вокруг очертания предметов. Каждый предмет – от любимой кофемашины Ромы до скатерти, которую мы выбирали вместе с Анфисой, – кричат о предательстве.

Чтобы хоть как-то отвлечься от липких мыслей, я достаю из кармана смятый листок. Номер Исаева написан уверенным, размашистым почерком. Ввожу цифры в телефон, пальцы слегка подрагивают.

Как записать? *Исаев Марк*или просто *Марк*? Помедлив, записываю официально: *Марк Исаев*.

Открываю мессенджер, обновляю список контактов и открываю с ним чат. На аватарке у Исаева – пустота, просто серый силуэт. Это так похоже на него: закрытый, непубличный, человек-загадка. Я долго смотрю на мигающий курсор, что-то печатаю, потом стираю. «Спасибо», «Марк, извините», «Я ценю то, что вы сделали»... Всё кажется либо слишком сухим, либо слишком жалобным.

Наконец, решаюсь на максимально нейтральный вариант:

Спасибо большое за помощь. Ещё раз прошу прощения за то, что втянула вас в разборки с мужем. Удачи на дороге, будьте осторожны!

Нажимаю «отправить» и тут же чувствую укол паники. Боже, о чём я думала? Он видный, привлекательный мужчина и наверняка женат. Разыгравшееся воображение, услужливо подсовывает картинку, от которой становится тошно. Представляю, как он возвращается домой, а там жена – молодая, красивая, ревнивая. И тут сообщение от «Маргариты Николаевны» в девятом часу вечера...

Я начинаю лихорадочно оправдываться перед самой собой.

Ну и что?

Я обратилась на «вы», всё предельно вежливо, никакой двусмысленности. Обычная благодарность за человеческую поддержку.

Да и обручалки на безымянном пальце у него нет – я обратила внимание, хотя кто в наше время заморачивается с этими кольцами? Только такие дурочки, как я… Запоздало стягиваю своё и швыряю в дальний угол.

Пропади ты пропадом, Белов!

Я с опаской смотрю на телефон. Сердце всё равно колотится где-то в горле. Хочется удалить сообщение, пока Исаев не увидел, но две синие галочки красноречиво сообщают, что уже слишком поздно. Он прочитал...

Экран гаснет, и я замираю, вглядываясь в темноту. Проходит минута, вторая... И вдруг короткая вибрация. Сердце делает кульбит, прежде чем я решаюсь разблокировать телефон.

Всегда пожалуйста. И я сам втянулся – это был мой выбор, так что не извиняйтесь. Спасибо за пожелания.

И всё. Просто и коротко. Никаких смайликов, никакой лишней вежливости. Но от фразы «это был мой выбор» мне вдруг становится легче дышать. Словно он взял на себя часть того груза, который меня придавил.

Я кладу телефон на стол экраном вниз. В пустой квартире стало совсем темно и тоскливо, но его «всегда пожалуйста» отзывается во мне странным теплом. По крайней мере, в этой войне я теперь не одна.

Глава 9

Утром я отправляюсь к адвокату – Семёну Витальевичу Рогову. Он представлял интересы «Азимута» в далёком прошлом, а потом… потом что-то произошло. Задумываюсь о том, когда именно. Кажется, как раз после того, как Рома стал генеральным директором. Теперь я не верю в простые совпадения. Ничего, разберёмся…

Офис Семёна Витальевича Рогова располагается в старом тихом центре. Это место всегда казалось мне островком стабильности, но сейчас, толкая резную дверь, я чувствую себя просителем, у которого за душой не осталось ничего, кроме девичьей фамилии – и ту ещё нужно будет отвоевать.

Рогов встречает меня с искренним удивлением. Он заметно постарел, но взгляд остался прежним – цепким, пронзительным, сканирующим.

– Маргарита? Какими судьбами? – он поднимается навстречу, поправляя очки. – Признаться, не ожидал. Столько лет тишины... Сколько прошло? Пять? Время летит безжалостно.

Он усаживает меня в кресло и наливает воды. Я вижу, что он действительно ничего не знает. Для него я всё та же наследница «Азимута», у которой в жизни всё должно быть прекрасно.

– Семён Витальевич, я пришла к вам как к единственному человеку, которому отец доверял безоговорочно, – мой голос предательски дрожит. – Мне нужна помощь. Понимаете… Меня вышвырнули из компании. Мой пропуск аннулирован, а в кабинете сменили замки.

Рогов замирает с графином в руке. Его брови ползут вверх.

– Простите? Кто вышвырнул? Неужели Роман? Но как это возможно, Маргарита? Вы же мажоритарный акционер, у вас контрольный пакет. Он не может просто так…

– Может, если у него на руках дарственная на мою долю, – я достаю из сумки копию документа, которую мне вчера швырнула Анфиса. – Посмотрите на это.

Рогов надевает очки и углубляется в чтение. В кабинете воцаряется мёртвая тишина. Я смотрю на него и жду, когда он скажет, что это какая-то ошибка, дурной сон. Но по тому, как каменеет его лицо, я понимаю – сон становится кошмаром.

– Невероятно... – шепчет он, перелистывая страницу. – Здесь ваша подпись, Маргарита. Как же вы так умудрились?..

– Ох, Роме тогда делали очередную операцию… Анфиса сказала, что это бумаги для банка, чтобы счета не арестовали, если с Ромой... если операция пройдёт неудачно. Я не читала, Семён Витальевич. Я была в аду и просто хотела, чтобы он выжил.

– А Анфиса у нас кто?

– Моя подруга, теперь уже *бывшая*… она у нас юристом после вас, а ещё у неё интрижка с Ромой…

Рогов тяжело откидывается в кресле и снимает очки. Он выглядит так, будто ему только что нанесли личное оскорбление.

– Теперь я понимаю, почему пять лет назад Роман Игоревич так настойчиво «уходил» меня из фирмы, – глухо произносит адвокат.

– Постойте… Но Рома сказал, что вы сами решили уйти. Ещё психовал, что вы ушли так внезапно…

– Вот, значит, как… На самом деле он прямо сказал мне: «Ваши методы устарели, нам нужна молодая кровь и гибкость». Я, конечно, возразил, что закон есть закон, какая тут гибкость? Но его мои слова не впечатлили. На том и порешили. Я тогда не хотел вас расстраивать, думал – ну, молодой муж хочет проявить самостоятельность, энергию... А он, оказывается, расчищал площадку.

– Значит, вы не сами ушли? – я во все глаза смотрю на него. – Он мне соврал?

– Соврал, – жёстко подтверждает Рогов. – Ему не нужен был юрист, который помнит устав вашего отца. Ему нужен был исполнитель. И, судя по этому документу, он его нашёл в лице вашей подруги. Она ведь тогда уже вовсю распоряжалась в юридическом отделе?

Я киваю, чувствуя, как внутри всё вымерзает. Пять лет. Пять лет они планомерно, шаг за шагом, отрезали меня от «Азимута», от союзников, от реальности.

– Что мне делать, Семён Витальевич? Шансы есть?..

Рогов долго смотрит на документ, потом переводит взгляд на меня.

– Если подпись ваша и она подлинная – юридически это почти бетонная стена. Но любая стена даёт трещину, если знать, куда ударить. Мне нужно время, Маргарита. Я должен поднять все архивы и узнать всё о нотариусе.

– Семён Витальевич, но постойте... – я нахмурилась, пытаясь вспомнить тот день через пелену слёз и запаха лекарств. – Разве я не должна была лично присутствовать у нотариуса? Я же ни в какую контору не ездила.

Рогов горько усмехнулся, и в его глазах блеснул опасный огонёк.

– В том-то и дело, Маргарита. По закону – должны. Если Анфиса готовила эту ловушку заранее, она нашла того, кто согласился «не заметить» вашего отсутствия. Наша задача сейчас – не просто доказать, что вы не читали документ, нам нужно доказать, что нотариус состоял в сговоре. Это уже уголовная статья, и поверьте, ради Романа и его девицы никто в тюрьму не захочет. Как только я прижму этого нотариуса к стенке, он сам сдаст Белова со всеми потрохами. И ещё… Какие у вас планы относительно вашего брака?

– Развод, конечно! – горячо заверяю я. – Ни минуты не желаю оставаться его женой!

Рогов медленно кивает, барабаня пальцами по столешнице, и его взгляд становится ещё суровее.

– Понимаю ваше рвение, Маргарита, но вы должны осознать одну вещь. Как только мы подадим иск и одновременно заявим о фальсификации – мы откроем ящик Пандоры. Роман тут же поймёт, что вы не планируете смиренно наблюдать за тем, как он рушит вашу жизнь. Сейчас он считает, что вы раздавлены и опасности не представляете. Но как только полетят первые стрелы, он включит все свои ресурсы, чтобы заставить вас замолчать. В ход пойдёт не только юридическая эквилибристика, но, возможно, и откровенная грязь и даже угрозы. Вы готовы к тому, что ваша жизнь превратится в зону боевых действий?

– Я хочу прижать гада, Семён Витальевич!

Рогов делает паузу и внимательно смотрит мне в глаза.

– Хорошо. Но с одним условием. Вам сейчас нельзя оставаться одной. Роман может быть опасен. Ему нужно, чтобы вы исчезли окончательно и не создавали проблем. У вас есть кто-то, на кого вы можете положиться?

Я невольно сжимаю телефон.

– Кажется... кажется, есть.

Глава 10

Домой я возвращаюсь в странном оцепенении. Слова Рогова о том, что мне угрожает опасность, кажутся эхом из какого-то дешёвого детектива. Ну какая опасность? Рома получил «Азимут», Анфиса получила Рому и мой кабинет в придачу. Они победили, выкинули меня на обочину и теперь наверняка радуются жизни. Зачем им я? Пустое место, женщина без прав и бизнеса.

Я несколько раз открываю контакты в телефоне, задерживая палец над именем Марка. Сердце предательски ускоряется, стоит мне вспомнить его тяжёлую ладонь на своём плече.

Если что-то случится... Или вам просто станет совсем хреново – звоните. В любое время.

Но что именно случилось? Юрист просто нагнал страху. Мне не хочется выглядеть в глазах Исаева истеричкой, которая дёргает его по пустякам. Он ведь может быть снова в рейсе, на трассе... Ему нужно за дорогой следить, а не мои страхи выслушивать.

– Справлюсь сама, – решительно думаю я, выходя из машины у своего подъезда. – Приму ванну и попробую выспаться. Утро вечера мудренее.

Я подхожу к своей двери, на автомате доставая связку ключей. Мысли уже там, за порогом, в уютной тишине спальни. Вставляю ключ в скважину, но он не идёт. Я дёргаю ручку, пробую ещё раз, аккуратно надавливая. Ключ упрямо упирается в металл, словно натыкается на глухую стену.

– Да что же это... – шепчу я, чувствуя, как внутри начинает подниматься холодная липкая волна.

Я приглядываюсь к замочной скважине и холодею. Металл вокруг неё блестит слишком ярко, слишком свежо. Новые винты, другая форма прорези...

В голове набатом звучат слова охранника.

И... там вроде замки в вашем кабинете сменили. Анфиса Юрьевна распорядилась.

Неужели и здесь – тоже?!

Я вцепляюсь в дверную ручку и рву её на себя, словно надеюсь, что это какая-то ошибка, что дверь просто заклинило. Но дверь стоит монолитом. Моя крепость, мой дом, единственное место, где я чувствовала себя в безопасности, больше мне не принадлежит.

Я стою в пустом подъезде, глядя на равнодушную сталь двери, и понимаю: Рогов не преувеличивал. Они решили не просто забрать бизнес – они решили стереть меня из этой жизни окончательно. Оставить на улице.

Дрожащими пальцами я выуживаю из сумочки телефон. Экран светится в полумраке лестничной клетки, а перед глазами всё плывёт. Больше нет никаких «неудобно» или «по пустякам».

Я нажимаю на вызов. Один гудок, второй...

– Да, Маргарита Николаевна, – раздаётся в трубке низкий, спокойный бас Марка, перекрываемый шумом мотора. – Что-то случилось?

Глава 11

– Марк, простите, что беспокою. Но я… я не могу попасть домой… – мой голос дрожит, хотя я и пытаюсь держать себя в руках. – Кажется, пока меня не было, они сменили замки…

– Я буду через пятнадцать минут. Ничего не предпринимайте! – обещает Исаев и нажимает отбой.

Дышать становится чуточку легче. Я облокачиваюсь на дверь и прикрываю глаза. Что же это происходит с моей жизнью?.. Чем я заслужила подобное?.. Мне припомнились последние три года семейной жизни. Я из кожи вон лезла, чтобы помочь Роме справиться с раком. А он, выходит, не только пользовался мной, но и методично претворял свой грязный план в жизнь?

Я задумываюсь. А на что походила наша семейная жизнь последние три года? На поле боя с раком – это само собой… а в остальном?.. Интимная жизнь сошла на нет – оно и понятно. Сначала череда операций, потом химиотерапия… но ведь и после наступления ремиссии Рома не спешил выполнять свои супружеские обязанности, ссылаясь на то, что он хочет сначала убедиться – рак не вернётся. И я понимала и принимала его решение. А на самом деле благоверный кувыркался с моей лучшей подругой…

От невесёлых мыслей меня отвлекает шорох за дверью. Мне и в голову не могло прийти, что в квартире кто-то есть. Неужели… Любопытство и ярость пересиливают. Я не могу просто стоять и ждать. Я начинаю неистово давить на кнопку звонка, а потом колотить в дверь кулаками.

Дверь открывается так внезапно, что я едва не влетаю в прихожую.

На пороге моей квартиры стоит… Анфиса. В моём кашемировом халате и пушистых тапочках она выглядит так по-домашнему.

– Чего шумим, Ритусь? Соседей распугаешь, – Анфиса лениво облокачивается на косяк, рассматривая свой безупречный маникюр.

– За что? – мой голос срывается на хрип. – За что ты меня так ненавидишь? Я же всё для тебя делала… Я делилась с тобой всем!

– В том-то и дело, Рита. Ты *делилась*. Милостиво скидывала мне обноски со своего барского плеча. Твой папа, твой «Азимут», твои заграничные шмотки… У тебя всегда было всё, что ты пожелаешь. А я должна была зубами выгрызать каждый сантиметр пространства рядом с тобой. Быть «подружкой наследницы», удобной тенью. Тебе не кажется, что ты слишком зажилась в своей сказке?

Она делает шаг ко мне, и я невольно отступаю на лестничную клетку.

– Но теперь это мой дом. Мой мужчина. Моя фирма. А ты… ты просто досадная ошибка.

– Рома не мог... – шепчу я, хотя сама уже в это не верю.

– Ой, не смеши меня. Ромочка и думать о тебе забыл. Видишь ли, Рита… – она кладёт ладонь на свой совершенно плоский живот и смотрит на меня с неприкрытым торжеством. – У нас наконец-то будет то, чего ты, при всей своей идеальности, так и не смогла ему дать. Я беременна. У Ромы будет наследник, настоящий хозяин «Азимута». Так что будь добра, избавь нас от своего присутствия, это вредно для моего самочувствия.

Глава 12

Слова Анфисы бьют наотмашь, но вместо того, чтобы окончательно сломаться, во мне вдруг просыпается ехидна. Шоковое оцепенение спадает, уступая место горькой усмешке.

– Беременна? – я прищуриваюсь, глядя на её плоский живот. – Анфис, ты за дуру меня держишь? Я изучила этот вопрос вдоль и поперёк. Как минимум год контрацепции. Ты решила родить ему смертельно больного ребенка или Рома просто не единственный, кто посещает твою постель?

Лицо Анфисы меняется. В её глазах вспыхивает такая тёмная злоба, что мне становится не по себе.

– Надо же, какая ты начитанная, Ритусь, – цедит она сквозь зубы, – только зря стараешься. Ромочка подстраховался. Еще три года назад, когда узнал диагноз. Пока ты сопли на кулак наматывала, мы его биоматериал отвезли в криобанк. ЭКО, лучшая клиника города, все дела. Ты тогда в панике носилась по городу, а мы планировали наше общее будущее. И тебе в гём никогда места не было.

Земля уходит у меня из-под ног. Три года назад... Когда я закладывала квартиры, чтобы оплатить ему обследования и дорогие лекарства, они уже планировали ребёнка. Они уже хоронили меня. Мне же Рома всегда заявлял, что ещё не время.

– Значит, ещё тогда? – мой собственный голос кажется мне чужим. Я делаю шаг вперёд, заставляя Анфису дёрнуться. – То есть, пока ты трусливо ждала, выкарабкается ли он, я продавала всё, чтобы подарить ему этот шанс. Его спасение, дорогая подружка, оплачено моими деньгами, моими слезами и моими бессонными ночами у его кровати, пока его выворачивало наизнанку. Твой будущий ребёнок унаследует не «Азимут». Он унаследует жизнь, которую ему купила я. И это та правда, которую не перепишешь у нотариуса.

– Ну да. Ты же у нас мать Тереза… – кроме желчи ей больше нечем крыть, но я пропускаю шпильку.

– Скажи, Анфис, а как давно это началось?

– Что, наша любовь?

– Ваше предательство. Как давно?.. Мне так, для себя… хочу понять степень вашей гнильцы… Три года? Пять лет? Семь?

– Ты же у нас такая умная, посчитай. Так и быть, дам тебе отправную точку – день вашей свадьбы… Знаешь, почему он опоздал? Потому что накануне мы с ним провели бурную ночь вместе. С тех пор мы встречались время от времени.

– Господи, как же вас обоих земля носит?.. Ты же была дружкой…

В памяти яркой, безжалостной вспышкой всплывает тот день. Моя свадьба. Анфиса в нежно-розовом платье, сияющая, порхающая вокруг меня. Помню, как она поправила мне фату, а потом поцеловала в щеку, оставив след от помады, и так искренне, со слезами на глазах, пообещала:

– Ритусь, я сделаю всё, чтобы твой Ромка никогда тебя не разочаровал.

И ведь сделала. Двенадцать лет она виртуозно, с улыбкой на лице, лепила для меня идеальный брак. А я верила. Каждому её слову, каждому его взгляду. Двенадцать лет я жила в картонных декорациях, которые они выстраивали за моей спиной, пока я дышать на своего мужа боялась.

– Ну… лично я очень устойчиво стою на ногах! А теперь… – Анфиса брезгливо кривит губы, – шла бы ты, Ритусь.

Анфиса захлопывает дверь прямо перед моим носом. Щелчок нового замка звучит как выстрел в затылок.

Я стою одна в подъезде – растерянная и еле живая. Ноги мгновенно наливаются свинцом, и если бы не холодная стена, к которой я прислоняюсь, я бы просто сползла на грязный бетонный пол.

День вашей свадьбы…

Тогда, двенадцать лет назад, Анфиса успокаивала меня:

Ритка, ну не плачь, пробки в городе, ну с кем не бывает, приедет твой Ромка, куда он денется от такой королевы.

Боже. Они ведь приехали туда почти одновременно. Просто с разных входов. Рома влетел в ЗАГС за пять минут до регистрации – взъерошенный, запыхавшийся.

Внутри меня будто выламывают рёбра. Беременность Анфисы, о которой я думала ещё пять минут назад, теперь кажется лишь мелким, незначительным штрихом. Какая разница, как именно они получили этого ребёнка – через ЭКО, криобанк или естественным путём? Самое страшное не то, что у них будет будущее. Самое страшное – то, что у меня забрали даже прошлое.

Двенадцать лет.

Каждый его поцелуй перед уходом на работу.

Каждое «люблю», сказанное в темноту спальни.

Каждая моя молитва у операционной, пока хирурги колдовали над ним.

Каждый чёртов рубль, который я добывала, чтобы оплатить его реабилитацию.

Всё это было фарсом. Декорацией. Уродливым, затянувшимся спектаклем, где сценарием заведовала моя лучшая подруга, а режиссёром выступал мой собственный муж. А вот главной актрисой была я и даже не осознавала этого.

Я задыхаюсь. Воздух в подъезде кажется густым, как клей.

Они не просто предали меня. Они отобрали двенадцать лет моей жизни, выбросили на помойку и сверху присыпали гнилью. Все эти годы я сочувствовала Анфисе, у которой «не складывалась личная жизнь», пыталась познакомить её с приличными мужчинами, таскала за собой на отдых... А она просто ждала, пока освободится моё место. Ждала, пока я поставлю на ноги Ромочку, чтобы прибрать его к рукам здоровым и с моей фирмой в придачу.

Наверное, я так и стояла бы там, ослепшая от этой удушающей, вековой лжи, если бы рядом не раздались тяжёлые, уверенные шаги.

Марк останавливается в двух шагах от меня. Его внимательный, сканирующий взгляд скользит по моему лицу и остановился на новеньком блестящем замке моей бывшей квартиры. Ему не нужно ничего объяснять. Он всё понял за секунду.

– Маргарита Николаевна… Давайте-ка пока уйдём отсюда…

Я пытаюсь сделать вдох, но в груди будто застрял ком колючей проволоки.

– Они… они со дня свадьбы, Марк… – с моих губ срывается жалкий, хриплый шёпот. Сама не знаю, зачем я сообщаю это совершенно чужому человеку. – Двенадцать лет. Всё это время… это была липа.

Исаев не перебивает, не успокаивает и не выдаёт фальшивые слова сочувствия. Вместо этого он делает ещё один шаг, сокращая дистанцию, аккуратно, но крепко берёт меня за локоть и буквально заставляет оторваться от стены.

– Смотрите на меня, Маргарита Николаевна, – требует он.

Я поднимаю голову. В его глазах нет жалости – только холодная сила.

– Мы ведь уже и так знали, что они из себя представляют, не так ли? – спокойно произносит Марк. – Но если у вас начнётся истерика, они победят. Вы этого хотите? Хотите, чтобы эта дрянь услышала ваши слёзы?

– Нет, – выдохнула я, и внутри меня, прямо под сердцем, впервые зашевелилась тяжёлая, глухая ярость.

– Вот и отлично. С прошлым разберёмся позже. А сейчас нам лучше уйти.

Он разворачивает меня к лестнице, по-прежнему надёжно удерживая за локоть. А вот и лифт. Осталась самая малость – взять себя в руки, чтобы окончательно не опозорить себя.

Глава 13

На улице дышится легче. Прохладный майский воздух на секунду прочищает забитые болью лёгкие. Но стоит сделать шаг, как меня начинает трясти.

На автомате подхожу к своей машине – последнему уцелевшему осколку прежней жизни, что по праву принадлежит мне – отец подарил мне подарок на защиту диплома. После ухода папы Рома уговаривал обновить транспорт, но я не захотела…

Достаю из сумочки ключи, но Марк мягко, но настойчиво забирает их прямо из моих рук.

– За руль я вас не пущу. В таком состоянии вы доедете только до ближайшего столба, так что поведу я.

Он сам открывает мне пассажирскую дверь и ждёт, пока я сяду.

Когда мы выезжаем со двора, я сижу неподвижно, уставившись в одну точку. Внутри – выжженная пустыня. Я не сразу замечаю, что мы едем вовсе не в сторону центра или ближайшей гостиницы.

– Марк, а куда мы?.. – мой голос звучит тускло, безжизненно.

– Ко мне, – коротко бросает он, не отрывая взгляда от дороги. – Вам нужно прийти в себя.

– Но это не очень удобно… ваша семья…

– Я живу один, – обрывает Марк мой лепет.

Отмечаю, что он не сказал «у меня нет семьи», он сказал: «Я живу один».

Вроде разница не слишком большая, но мой мозг, судорожно цепляющийся хоть за какие-то мысли, всё равно её фиксирует разницу. Значит ли это, что где-то имеется жена и, может быть, даже дети? Хотя какое мне, в сущности, дело?

Больше я не спорю. У меня просто нет сил на протест. Пусть везёт куда хочет.

Мы едем довольно долго, забираясь в тихий спальный район, где старые кирпичные пятиэтажки утопают в зелени. Здесь всё другое – нет пафосного блеска центра, нет шума офисов.

Марк паркуется у аккуратного подъезда.

– Идёмте. Третий этаж, лифта нет, справитесь?

Я киваю, хотя уверенности в собственных силах нет. Мы выходим из машины и в нос ударяет густой запах цветущей сирени и мокрого асфальта – здесь, на окраине, весна ощущается совсем иначе.

Исаев шагает чуть впереди, подстраивая свой широкий шаг под мой. Марк рядом, будто готов в любую секунду подставить плечо, и само это молчаливое присутствие странным образом удерживает меня на плаву.

На площадке третьего этажа он останавливается у безликой двери. Щемящее чувство дежавю накрывает меня – ещё полчаса назад я стояла совсем перед другой дверью...

Исаев открывает дверь и пропускает меня вперёд.

Его квартира оказывается аскетичной, идеально чистой и… неожиданно просторной благодаря отсутствию лишних вещей. Никаких тебе безделушек или фотографий в рамках. Кожаный диван в гостиной, дубовый стол, заваленный какими-то бумагами. А ещё тут царит тот самый аромат, который я ощущала раньше – смесь мужского парфюма, свежести и металла.

Марк скидывает куртку и остаётся в одной футболке, которая обтягивает его мощные плечи.

– Проходите. Ванная прямо по коридору. Я сейчас принесу вам что-нибудь переодеться, – он на секунду замолкает, окинув меня взглядом, – что-нибудь… более удобное.

Ах, ну да. Сегодня я надела строгий брючный костюм глубокого синего цвета, лёгкую шелковую блузку и кожаные лоферы. Никаких шпилек или ярких цветов. Но всё же это не шло ни в какое сравнение с теми безразмерными спортивными костюмами и блёклыми худи, из которых я не вылезала последние пару лет, пока ухаживала за Ромой. Тогда мне было плевать

на отражение в зеркале, я просто растворилась в нашей беде. И именно такой меня видели и водители, и сотрудники офиса. И Исаев – тоже... Отчего-то эта мысль мне неприятна.

– Марк... Почему вы это делаете? – спрашиваю я, обхватив себя за плечи. – Вы ведь меня почти не знаете. Для вас я просто начальница, и то… уже бывшая.

Марк оборачивается. Свет из окна падает так, что его лицо кажется ещё более резким, а шрам на переносице проступает отчётливее.

– Просто я не люблю, когда присваивают чужое, – негромко отвечает он. – И ещё больше не люблю, когда нападают со спины... Отдыхайте, Маргарита Николаевна. Здесь вы в безопасности.

Он уходит в другую комнату и возвращается через минуту, протягивая мне серую толстовку и спортивные штаны на завязках.

– Конечно, будет велико. Но это лучше, чем ничего.

Я забираю из его рук вещи. На мгновение наши пальцы соприкасаются, и меня словно бьёт током. Я резко вскидываю голову и натыкаюсь на его взгляд – слишком пристальный, тёмный, сканирующий. Между нами вспыхивает глухое, вибрирующее напряжение. Марк не двигается и не отводит глаз, и от этой его неподвижной, почти осязаемой мужской силы у меня перехватывает дыхание.

Ему не нужно сочувствовать мне словами. Он просто как скала, о которую разбивается всё моё прошлое.

– Идите, Маргарита Николаевна, – тихо, но как-то по-особенному хрипло произносит он, и этот его тон заставляет мои волоски на руках встать дыбом. – Смойте с себя этот день, а потом мы поговорим.

Я коротко киваю, прижимая чужие вещи к груди, как щит, и почти сбегаю в ванную.

Закрыв за собой дверь на защёлку, я, наконец, позволяю себе опереться на раковину и взглянуть в зеркало. Из отражения на меня смотрит чужая женщина с мёртвыми глазами.

А ведь ещё пару часов назад я была уверенной в себе женщиной, которая ехала от адвоката, планируя вернуть свою фирму. А сейчас я стою в чужой ванной, потому что мне буквально некуда больше идти. А каждый прожитый рядом с Ромой день – оказался фальшивкой. Обманкой, которой меня кормили двенадцать лет.

Я снова смотрю на своё отражение. Помада стёрлась, под глазами залегли тени.

Ну что ж, похоже, моя сказка действительно закончилась. Пора учиться жить в реальности.

И всё, что у меня осталось – чужой мужчина, который зачем-то объявил мою войну своей.

Дорогие читатели!

Приглашаю Вас в мою эмоциональную историю

Невинная для чудовища. Будешь моей, девочка

– Так и быть, я помогу тебе. Больше того, возвращать мне деньги не нужно…Холодок прошёлся вдоль позвоночника. Такой подарок судьбы? Просто так? От него?Слишком гладко. Слишком легко.Значит, будет плата. Та, о которой не говорят вслух. Я крепче сжала пальцы и попыталась улыбнуться – вышло жалко.– Но… – его губы дрогнули в ухмылке, – ты же понимаешь, девочка… в этом мире ничто не бывает просто так.Вот оно.Руслан сделал

*шаг ближе – и воздух вокруг будто стал гуще.– Я помогу тебе. Но за это будет своя цена.– Какая?..Он хищно улыбнулся. Так улыбаются перед тем, как сломать.– Ты.***Мне пришлось заключить сделку с чудовищем. Руслан Горин – властный, опасный мужчина, привыкший подчинять и ломать каждого, кто встаёт на его пути.Теперь я его жена и мне некуда бежать. Но как защитить своё сердце, если от его прикосновений предательски плавится кожа?*

В истории вас ждет:Нежная и хрупкая героиня# Сложный, мрачный, властный герой со шрамами и тёмным прошлым Фиктивный брак, превратившийся в опасную игру Искры и бешеное притяжениеХэппи энд для тех, кто заслужил

Глава 14

Всё шло гладко. Даже подозрительно гладко.

Когда вчера я вкладывал в ладонь Маргариты листок со своим номером, я точно знал, что она позвонит. Рано или поздно, но позвонит. Нужно было всего-то дать ей почувствовать опору, а потом отойти в тень, позволяя обстоятельствам сделать всё остальное. Я сыграл роль «доброго самаритянина» безупречно – не лез в душу, не задавал лишних вопросов, просто был рядом, когда почва уходила у неё из-под ног.

Честно говоря, я не ждал, что Белов решится на следующий ход так скоро. Вышвырнуть её из квартиры... Это было чересчур даже для Белова, но мне это только на руку. Роман собственноручно затягивал петлю на своей шее, подталкивая Маргариту прямо ко мне.

Я вспомнил её вчерашнее сообщение в мессенджере. Вежливо-заботливое, с примесью испуга.

Будьте осторожны на дороге.

Она будто действительно переживала за меня. На секунду внутри кольнуло что-то похожее на стыд – старое, полузабытое чувство. Но я тут же задавил его, вспомнив, что стоит на кону. Перед глазами возникли пустые боксы «Вест-Логистик», могила на кладбище и годы, вычеркнутые из жизни.

Ничего личного.

Ей нужна защита, мне – информация и рычаг давления на Белова.

Но когда телефон завибрировал, и я увидел её имя...

Стоило услышать её срывающийся, беспомощный голос – и все мои логические измышления испарились. Горло сдавило, а по телу пробежал странный жар.

– Я буду через пятнадцать минут, – бросил я и отключился.

Хорошо, что у меня выходной, иначе сорваться по первому зову я бы просто не смог. Но сегодня был особенный день, наполненный болью, бессилием и чувством вины. Свою машину я оставил у дома. В годовщину я решил воспользовался услугами такси – садиться за руль после кладбища мне не хотелось. Я и так ощущал себя полностью сломленным, но зато готовым к решительным действиям.

Таксист терпеливо ждал меня у ворот. Я пообещал ему тройной тариф, если долетим до её дома без пробок. Всю дорогу я не находил себе места. Смотрел на мелькающий за окном город и мысленно просчитывал варианты. Что там произошло?

Белов ей угрожал? Устроил скандал? Поднял руку?

Мой мозг, привыкший к чётким алгоритмам, выдавал один сценарий за другим. И самое паршивое – меня по-настоящему накрывало от бессилия, пока машина застревала на светофорах. Я больше не ощущал себя хладнокровным стратегом, а походил на цепного пса, которому дали команду «фас». И эта перемена в самом себе мне категорически не нравилась.

Когда я взлетел на нужный этаж и застал её совершенно раздавленной, то едва сдержался, чтобы не вынести эту чёртову дверь. Хотелось вытащить Белова за шиворот на лестничную клетку и наглядно объяснить, что ломать чужие жизни безнаказанно больше не получится. Но пришлось засунуть свои эмоции поглубже. Я забрал у неё ключи от машины, усадил на пассажирское сиденье и сам сел за руль.

И, глядя на Маргариту в зеркало заднего вида, я вдруг осознал, что она уже на крючке. Но почему-то эта мысль не принесла ожидаемого триумфа.

К подъезду она шла за мной как тень. В квартиру вошла с опаской. За то время, что я здесь живу, я ни разу не приводил сюда женщин. Моя квартира – моя крепость, закрытая от посторонних глаз зона комфорта, где каждая вещь лежит на своём месте. Притащить сюда

её, да ещё и в таком состоянии, означало добровольно впустить в свой идеальный порядок разрушительный хаос.

Теперь она стояла передо мной – маленькая, хрупкая, в своём дорогущем костюме. Когда я отдавал ей свои вещи – старую толстовку и спортивки – наши пальцы соприкоснулись. Всего на секунду. Но это было... чёрт, я забыл, когда в последний раз так реагировал на женщину.

Я до сих пор ощущал кожей мимолётное тепло её пальцев, и это злило. Мужчина внутри меня требовал защитить её, спрятать от всего мира, а холодный разум твердил, что на кону стоит слишком многое.

Мне нужно держать дистанцию. Нужно помнить, зачем она здесь. Она – возможность подобраться к Белову, мой инструмент мести.

План остаётся в силе. Но играть роль рыцаря становится всё труднее, потому что под доспехами начинает оживать то, что я считал давно похороненным.

Глава 15

Горячая вода немного притупила душевную боль, но не смыла осознание катастрофы. Я выхожу из ванной, утопая в одежде Марка. Рукава толстовки пришлось подвернуть в несколько раз, а штаны затянуть на талии так туго, как только можно. Запах свежести и его туалетной воды окутывает меня, создавая иллюзию кокона, в котором можно спрятаться от всего мира.

На кухне горит неяркий свет. Марк стоит у плиты, и вид этого мощного, угрюмого мужчины, разливающего по тарелкам обычный суп, кажется мне чем-то запредельно правильным.

– Садитесь, Маргарита Николаевна. Пока горячее, – он кивает на стол.

– Я не голодна, спасибо…

– Это не просьба, – Марк оборачивается, и в его взгляде нет жалости, только спокойная требовательность. – Вам нужны силы. Иначе Белов победит просто потому, что вы загремите в больницу с истощением.

Я послушно сажусь. Суп домашний и простой, но с первой же ложкой я понимаю, как сильно проголодалась. Мы едим в тишине, нарушаемой только мерным тиканьем часов на стене. Когда с едой покончено, Марк ставит передо мной кружку с крепким чаем.

– Теперь поговорим. Для начала расскажите, что сказал адвокат?

И я выкладываю всё. И про «бетонную стену» дарственной, и про то, как Рома пять лет назад выжил Рогова из фирмы.

– Оказывается, он врал мне. Говорил, что Семён Витальевич сам ушёл, бросил нас… А на самом деле Рома просто расчищал место для… Анфисы. Он строил этот капкан годами, пока я думала, что мы – одна команда. Думаю, его болезнь спутала им все карты. А теперь они вернулись к своему плану. Выходит, что они с Анфисой... ещё с нашей свадьбы…

– Неужели вы ничего не замечали столько лет?..

Я задумываюсь. Ковыряюсь в себе, перебирая счастливые дни, кручу их и так и эдак. Но как я ни стараюсь, не могу припомнить ни одного подозрительного взгляда, ни одного странного звонка или неожиданного «совещания» поздним вечером. Рома никогда не прятал телефон экраном вниз и не вздрагивал, когда я входила в кабинет. Абсолютно ничего подобного не случалось. До болезни – точно.

Нет, мы не жили душа в душу, у нас не было безумной страсти, но наш брак вполне мог считаться счастливым по меркам большинства. Спокойный, стабильный союз двух близких людей, которые доверяют друг другу.

Только в последние полгода перед тем, как Рома заболел, наш брак дал трещину. У нас случилась серьёзная ссора. Я снова заговорила с ним о ребёнке – искренне верила, что мы созрели, и дом должен наполниться детским смехом. Но Рома тогда сильно разозлился. Таким жёстким и холодным я его ещё не видела. Он категорично заявил, что сейчас абсолютно не время для детей – нужно развивать бизнес, и вообще, я не должна давить...

Тогда я сильно обиделась, замкнулась в себе. Мне его решение казалось катастрофой. Но совсем скоро Рома стал чувствовать себя хуже и хуже. Постоянная усталость, болезненный вид. Затем начались обследования... И когда ему поставили страшный диагноз, вся эта размолвка из-за детей казалась совершенно глупой. Обиды испарились в один миг. Я просто отбросила всё и окунулась в ад вместе с ним, став для него и сиделкой, и защитником, и правой рукой. А теперь…

– Если что-то и было, то они это очень тщательно скрывали… – сдаюсь я.

– Или ваша подруга всё придумала, чтобы причинить вам боль.

– Но она беременна, Марк… зачем ей врать о таком? Они сделали ЭКО, значит, он заранее позаботился об этом. А мне заявлял, что не готов к такому шагу.

– Они могли закрутить роман перед самой болезнью…

– Может, и так. Но мне, честно говоря, уже плевать. Эти двое для меня больше не существуют.

– Неправда. Предательство навсегда остаётся с человеком. Его не выключить по щелчку пальцев. Но важно, как вы воспринимаете произошедшее.

Я на секунду прикрываю глаза, чувствуя, что ещё немного – и точно расплачусь. Потом беру себя в руки и смело смотрю Марку в глаза.

– Я… разбита. И не понимаю, как действовать дальше. У них «Азимут», у них квартира, у них скоро будет ребёнок… А у меня не осталось ничего. Я как та старуха с корытом из сказки Пушкина.

Марк внимательно смотрит на меня, постукивая пальцами по столу.

– Вам больше подходит роль золотой рыбки, которая бесконечно даёт, ничего не требуя взамен. Но и те времена уже прошли... Итак, квартира. На кого она оформлена?

– На Рому, – горько усмехаюсь я. – Понимаете, когда мы покупали её, я продала свою, чтобы добавить денег. Папа, конечно, был против… Он принадлежал старой гвардии и считал, что мужчина должен сам заботиться о семье, обеспечивать дом, жену и детей. Но мне казалось… мы же вместе, мы одно целое. Глупо, да?

– Не мне судить о ваших мотивах. И всё же, если квартиру покупали в браке, это совместно нажитое имущество. Даже если собственником записан Белов, половина там ваша по закону. Замки он сменил незаконно.

– Не в моём случае, – я делаю глоток уже остывающего чая. Он кажется мне горьким, как и вся моя жизнь. – При покупке я просто отдала ему деньги от продажи своей жилплощади. Мы ведь были семьёй, мне и в голову не приходило просить расписку или требовать долю. Совместно нажитое имущество меня вполне устраивало, но...

Марк внимательно слушает, не перебивая, но я вижу, как он начинает хмуриться.

– Но Рома поступил иначе, – продолжаю я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от собственного бессилия. – Это его родители тогда «заняли» нам крупную сумму. А сделку по итогу оформили на его отца. А уже через месяц он оформил на Рому дарственную. Понимаете? По документам эту квартиру Роме просто подарили родители. И то, что туда вложены мои деньги, я теперь ни в одном суде не докажу. Юридически я не имею на неё никаких прав.

В кухне повисает тяжёлая, звенящая тишина. Мерное тиканье часов теперь звучит подобно механизму на бомбе, которая вот-вот разнесёт моё будущее в щепки.

Марк медленно ставит кружку на стол. Его взгляд становится ледяным, расчётливым – так смотрят мужчины, когда оценивают масштаб ущерба перед боем.

– Да уж, – негромко, почти зловеще произносит он. – Не обижайтесь, но ваш супруг – редкостный мудак…

– Вот здесь я с вами даже спорить не собираюсь… Но ничего, Семён Витальевич уже занимается разводом. Мы договорились, что он будет моим представителем. Видеть супруга я не желаю даже в суде…

Марк поднимается, подходит к окну. Я смотрю на его широкую спину и впервые за этот бесконечный день чувствую, что я не одна против целого мира. Рядом со мной стоит человек, который уже перекраивает план войны.

– Так, а как он вообще стал директором? Ваш отец ведь не был простаком и людей, я уверен, видел насквозь...

– Это точно! Папа и в «Азимут» Рому брать не хотел, это я уговорила. Но к руководящей должности он его не подпускал. Рома очень сильно обижался... Папа сдался, когда случился первый инсульт. Он назначил его своим заместителем, наверное, хотел таким образом приобщить Рому к ответственности, к семейному бизнесу… Ну, вот и приобщил, – со вздохом заключаю я. – Теперь у Ромы есть всё, а у меня…

– Н-да, Маргарита Николаевна… – Марк замолкает на мгновение, затем возвращается и снова садится напротив меня. – В наше время нельзя быть такой доверчивой.

– Я ему верила, как себе… Да и в запасе были ещё две квартиры. Папины. Их я уже потом продала, когда Рома заболел… «Азимут» тогда переживал нелучшие времена. Пришлось вложиться, но в первую очередь я спасала любимого мужа. Надо было прислушаться к папе… Ему Рома никогда не нравился, но он любил меня и принял мой выбор.Но потом папа сам назначил Рому своим заместителем. А мне заявил, что неженское это дело, на базе пропадать и мужикам указы раздавать. Наверное, думал, что хрупкой женщине не справиться с оравой мужиков. В любом случае у меня оставался надёжный тыл – две квартиры и контрольный пакет «Азимута»… Ох, папа… если бы только он знал, как бездарно я всё профукала…

Марк подаётся вперёд, его лицо в неровном свете лампы кажется каменным.

– Вы не профукали, Маргарита Николаевна. Вас цинично обокрали, – его голос звучит глухо. – Я видел эти бумаги, которые вам подсунула Анфиса. Дарственная на контрольный пакет акций. Расскажите, как вы вообще умудрились её подписать?

– Ох, в тот день, когда Роме делали срочную операцию... я была в полной прострации, – я закрываю лицо руками, чувствуя, как краска стыда заливает щёки. – Сидела в больничном коридоре, ничего не соображая от ужаса. Приехала Анфиса, сунула мне стопку бумаг и сказала, что это срочные документы для банка, без которых у фирмы заблокируют счета. Я подписала их на коленке, даже не читая. А это оказался договор дарения.

– Договор дарения акций требует обязательного нотариального удостоверения. Вы ездили к нотариусу? Или, может, он приезжал в больницу?

– Нет, – я качаю головой. – Никого не было. Я просто отдала подписанные листы Анфисе в коридоре.

– Значит, ваша подруга провернула всё без вашего присутствия. А это уже уголовка. Мошенничество в особо крупном размере и должностное преступление для самого нотариуса.

– Семён Витальевич сейчас как раз ищет этого нотариуса, – добавляю я, чувствуя, как внутри разгорается слабая, но упрямая надежда.

– И пусть ищет, – жёстко резюмирует Марк. – Белов и Анфиса сами загонят себя в угол. Не корите себя.

– Папа считал, что я защищена со всех сторон. Обеспечена жильём, фирма принадлежит мне, а оно вон как вышло…

– Ваш отец хотел как лучше, но он не учёл одного. Таких, как Белов, нельзя приручить. Роман не бизнесмен, Маргарита Николаевна. Он паразит. Он живёт за счет того, что высасывает ресурсы из других. И подруга ваша из того же теста. Но у паразитов есть одна слабость. Они не умеют отдавать. Они только потребляют. Если перекрыть поток, они начинают жрать друг друга.

Я опускаю глаза и натыкаюсь взглядом на его руки – огромные, мозолистые. В тусклом свете кухонной лампы они кажутся вылитыми из бронзы. В каждом движении Марка чувствуется скрытая мощь, которая никак не вяжется с образом простого наёмного рабочего.

– Вы так говорите, будто сталкивались с подобным... – мой голос звучит едва слышно.

– Случалось.

Я поднимаю глаза. Марк не отводит взгляда. В его тёмных глазах на мгновение отражается что-то такое, от чего у меня перехватывает дыхание. Холодная, состоявшаяся ярость.

– Скажите, Марк, как так вышло, что вы подались в дальнобойщики? – я обхватываю пальцами тёплую кружку, пытаясь согреться. – Вы ведь совсем из другого теста. Я вижу, как вы себя ведёте, слышу, как вы разговариваете...

– Так уж вышло. История грустная и до невозможности банальная. А ещё невероятно скучная…

– Вас тоже предали? – я ищу в его глазах подтверждение своим догадкам.

Теперь он смотрит на меня как-то странно. В его взгляде смешались сочувствие и что-то ещё, тёмное и острое, как обломок стекла в ране.

– Можно и так сказать, – коротко бросает он, и я понимаю, что за этой фразой скрывается целое кладбище разрушенных надежд.

– И как вы с этим справились? – спрашиваю шёпотом, чувствуя, как внутри всё сжимается. – Как вы нашли силы просто... встать и пойти дальше?

– А у меня не было выбора, Маргарита Николаевна, – он выделяет каждое слово. – Либо ты ложишься и даёшь себя затоптать, либо идёшь вперёд. Главное – двигаться.

– А я просто не знаю, как с таким можно справиться... – опускаю голову, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. – Смотрю в зеркало и не узнаю себя.

Марк вдруг протягивает руку и накрывает мою ладонь своей. Его пальцы горячие и шершавые, и это мужское тепло заставляет меня вздрогнуть.

– Маргарита Николаевна, посмотрите на меня, – его голос звучит низко, почти гипнотически. Я поднимаю глаза. – Я скажу так... Ваш супруг – круглый дурак. В наше время редко встретишь человека, который пойдёт за тобой в ад, даже не спросив, сколько там градусов. Вы вытащили его с того света, вы держали его на плаву. Он променял золото на крашеную жестянку. Он заменил вас на бессердечную стерву, и, поверьте мне, поделом ему. Скоро он поймёт, что она умеет только брать, а отдавали в вашей паре вы.

Он сжимает мои пальцы – не больно, но ощутимо.

– Спасибо вам, Марк…

– Не за что. И это ещё не финал, это просто крутой поворот. Да, бывает, что заносит. Да, бывает, что летишь в кювет. Но пока ты жив, всегда есть шанс что-то изменить. Итак, давайте поговорим о счетах «Азимута»…

Глава 16

Проговорив ещё полчаса, мы поднимаемся из-за стола. Тяжёлый разговор оставил после себя странное послевкусие – горечь пополам с уверенностью, которую в меня вселил этот загадочный мужчина.

– Ложитесь там, Маргарита Николаевна. – Марк кивком указывает в сторону единственной спальни. – Я устроюсь в зале на диване.

Я замираю, глядя на него снизу вверх. Мысль о том, что я выживаю хозяина из его собственной постели, кажется невыносимой. Хватит с меня потерянных территорий на сегодня.

– Нет, Марк, – я качаю головой. – Пожалуйста. Я и так вторглась в вашу квартиру, надела ваши вещи… Я лягу на диване. Он большой, мне места хватит с головой.

Исаев хочет возразить – я вижу, как в глазах вспыхивает упрямство. Но, видимо, мой затравленный взгляд делает своё дело, и он лишь коротко выдыхает.

– Ладно. Не будем спорить.

Марк исчезает в спальне и возвращается через минуту с хлопковой футболкой в руках и протягивает её мне.

– Вот, вместо пижамы…

– Спасибо.

Я беру футболку и ощущаю запах порошка и чего-то неуловимого – это его аромат – терпкий и такой волнующий…

– А вот постельное бельё, – следом он приносит аккуратно сложенную стопку.

Марк сам начинает застилать диван, отчего мне становится не по себе. Я наблюдаю за ним, прислонившись к косяку, и не могу отвести глаз. Его движения – выверенные, почти механические. Секунда – и простыня ложится без единой складки. Ещё миг – и он одним точным движением встряхивает пододеяльник. Это выглядит так профессионально, что я невольно вспоминаю Рому. Мой муж за двенадцать лет брака, кажется, так и не запомнил, с какой стороны у наволочки прорезь. Он всегда стоял над кроватью с потерянным видом, пока я не забирала бельё из его рук.

– Вы так быстро управились, – тихо произношу я. – Рома до сих пор не знает, с какого края к пододеяльнику подступиться.

Марк замирает с наволочкой в руках. Его плечи на секунду напрягаются, а на губах появляется едва заметная усмешка.

– Просто у вашего мужа всегда был кто-то, кто делал это за него, Маргарита Николаевна. Сначала родители, потом вы, теперь… – он не договаривает, но я и так знаю, о ком он. – А у меня обычный опыт. Там, где мне довелось побывать, за плохую заправку кровати спрашивали так, что навык отложился на подкорке на всю жизнь.

И снова мне не по себе. О чём он толкует? Об армии или… Гоню от себя зловещие мысли. Нет, Марк не похож на уголовника. И всё же в его жёсткой дисциплине, в этой манере чеканить слова и держать спину сквозит что-то эдакое... И эта его «банальная история», о которой он отказался говорить, вдруг начинает казаться мне тёмным омутом.

Пытаюсь припомнить, заглядывала ли я в его личное дело, но в памяти пусто. Да и какая разница? Отдел кадров в «Азимуте» наизнанку выворачивает каждого кандидата, прежде чем доверить ему машину и ценный груз. Такие сведения, как судимость, скрыть при оформлении просто невозможно Значит, он чист. Наверное, всё-таки армия. Или какая-нибудь жесткая полувоенная структура в прошлом...

Марк уже расправляет подушку и отступает на шаг, окидывая результат критическим взглядом. Между нами повисает неловкая пауза. В этой маленькой комнате внезапно стано-

вится слишком тесно. Я стою в его вещах, взлохмаченная после душа, а он смотрит на меня – и в его взгляде больше нет той ледяной дистанции, которая была раньше.

– Спасибо, Марк. За всё.

– Спокойной ночи, Маргарита Николаевна, – он коротко кивает, и я вижу, как его взгляд на долю секунды задерживается на моих ключицах, выглядывающих из широкого ворота толстовки.

Но слава богу, он всё-таки уходит в спальню, и я слышу, как тихо закрывается дверь. Я остаюсь одна.

Переодеваюсь и выключаю свет, остаётся только блёклый отсвет уличного фонаря, пробивающийся сквозь листву деревьев. Ложусь и закутываюсь в одеяло. Но уснуть не получается. Тиши

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.